

А.А. Харитановский

**Человек с железным
оленом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А11 **А.А. Харитановский**
Человек с железным оленем / А.А. Харитановский – М.: Книга по Требованию,
2024. – 240 с.

ISBN 978-5-458-44840-6

ISBN 978-5-458-44840-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

Г Л А В А
П Е Р В А Я

В ЛЕДЯНОМ СКЛЕПЕ

Сначала над темно-серым горизонтом возникли огненно-желтые полосы. Они, как зарево далекого пожара, охватили часть неба — и вдруг из пламени выскочил приплюснутый и оттого кажущийся непомерно широким красный солнечный диск.

Он тотчас исчез. Потом появились сразу два солнца. Одинаковые красные шарики подпрыгнули над снежными наметами, над торосами, словно подброшенные рукой невидимого жонглера. Вот они начали сближаться и слились в один огненный шар.

Ночное однообразие скованного полярной стужей моря сменилось непомерной хаотичностью. Вставшее солнце будто взрыло своими лучами покрытые снегом поля, разорвало их, подняло и сгрудило. За уходящими на

восток валами чуть-чуть синела полоса островной земли.

В то апрельское утро 1930 года восход осветил распластанную на льду фигуру человека. Произошло это в Печорском море, на 69° северной широты, в ста пятидесяти километрах от Югорского полуострова...

Человек лежал неподвижно, навзничь, укрытый в олений комбинезон и торбаса. мех одежды, обнаженную голову, бороду и усы покрывал густой серебристый иней. Лоб и виски перехватывала темная кожаная повязка.

Рядом над грудой сбитого снега трепыхал красный выцветший флажок, привязанный к никелированной изогнутой трубке.

Глаза человека, большие, серые, были устремлены на флажок. В их расширенных зрачках яростный протест мертвящему умиротворению северной природы, всей ее жестокой безмерности.

Сдвинутая линия бровей, прикушенные губы и застывший взгляд выражали страшное напряжение сил. Но жило лишь лицо — тело сковывал странный паралич.

По следам, которые тянулись с запада, можно было судить, что минуло не более суток, как он пришел на это место. Рядом с размашистым шагом пролегла какая-то узкая рифленая колея.

Человек глубоко вздохнул и попытался шевельнуть головой. Капюшон повзанивал и поскрипывал. Новым усилием он все-таки повернул голову и увидел трещину. Она пробегала прямо под ногами. От разлома расплылись языки сероватой наледи. Водой пропитался и снег.

Примерз! Намокшая одежда застыла и превратилась в склеп!..

Человек попробовал поднять руки, но и они скованы. Тогда он втянул их из рукавов внутрь... Комбинезон на груди затрещал, и из меха высунулось лезвие ножа. Пальцы судорожно сжимали тяжелую кожаную рукоятку. Тут же последовал удар. Еще и еще — сталь звенела о лед.

Страшно промахнуться: острое скользит почти по одежде, с каждым взмахом все глубже уходя под спину.

Холодной отточенной голубизной сверкали скулы торосов. Ждали: вырвется человек или превратится в один из них?

...Прошло уже несколько часов. Охотничий нож миллиметр за миллиметром обрубал цепкую хватку мерзлоты.

Внизу хрустнуло, будто сломался хребет. Мужчина покачал плечами и осторожно приподнялся; на спине, как ранец, повис кусок выколотого льда.

На тонких губах мелькнула улыбка, блеснули крупные белые зубы. Смахнул с бороды иней, потряс длинными волосами, стянутыми лакированным ремешком.

Оставалось выручить ноги, вернее, торбаса.

Ледяная крошка разлеталась под энергичными ударами ножа, вспыхивала искрами в лучах солнца...

Попробовал привстать. И наконец, поверив, что свободен, выпрямился. Облегченно вздохнув, шагнул через «корыто», которое чуть не стало его вечным ложем.

Он был среднего роста. Вьющиеся волосы космами падали на откинутый назад капюшон. Окладистая борода и усы не старили продолговатого с правильными чертами лица; на вид ему лет двадцать пять, самое большое двадцать семь.

Постукал рукой о руку, попрыгал, чтобы разогнать кровь. Что-то вспомнив, торопливо повернулся к снежной куче с флажком. Стал раскидывать ее. Из сугроба выглянул велосипед!

Флажок, оказалось, был прикреплен на руле, отогнутом круго назад и оттого похожим на козлиные рога. И вся машина имела необыкновенный вид. Ярко-вишневая окраска, емкие багажники-чемоданы, один сзади, другой перед сиденьем. Утолщенная и низкая рама с двойной передней вилкой. Очень широкое с усиленными пружинами седло. Над колесами сияли никелированные крылья, а впереди выставился трехцветный масляный фонарь, красный, зеленый и белый. Сбоку привязана пара скатов и винтовка.

Человек внимательно осмотрел машину, очистил от снега детали. Потом снова принялся за себя. Он плепал рукояткой ножа по одежде, по бокам, по рукавам, стремясь размять мех. Но что делать с ледяным «ранцем»? Попробовал потереться спиной о торос. Сразу же послышался треск рвущейся кожи...

Путник, поживаясь, принялся расстегивать задний багажник. Вынул начатую мороженую треску. Долго к ней примерялся глазами. Сначала разделил рыбину на четыре части, а потом снова прикинул и отрезал лишь осьмушку. Пошарил еще в багажнике, нашел прессованную галету. Покрутил ее в руках, вздохнул и, завернув в платок, положил обратно.

Завтрак, а по времени обед, был очень скуден, и велосипедист явно стремился растянуть его. Он жевал неторопливо, с наслаждением, кроша рыбье-мясо на тоненькие извивающиеся стружки.

Закусив, стал собираться в путь. Раскрыл картонную пашку. В ней оказалась потертая карта морского побережья от Архангельска до Югорского Шара. Он долго разглядывал многочисленные крошечные островки, рассыпанные на юге Печорского моря. Отстегнул от пояса массивный компас и, отметив направление на видневшуюся вдалеке землю, встал.

Прежде чем взяться за руль, оглянулся на усыпанную клочками меха ледяную яму...

Шли часы, а остров вроде бы и не приблизился. Там, где попадался ровный лед, садился на велосипед. Но задубевшая на морозе одежда стесняла движения, и приходилось часто спешиваться.

Медные лучи садящегося солнца удлиннили до неестественности тени. Равнина моря стала казаться еще изрезаннее.

Подул встречный ветер. Откуда-то свалилась снежная завеса и отрезала свет. Велосипедист, всматриваясь в заструги, наметенные почти параллельно берегу, проехал еще с километр. У гряды торосов остановился. Ссутулив плечи и отвернувшись от ветра, он поставил машину по направлению движения и стал зарывать ее. Вскоре на виду остался лишь флажок. Тут же рядом принялся рыть логово. Из наста нарубил топориком пластин и выложил вокруг барьер.

Утром поднялся с посеревшим измятым лицом: промокшие торбаса не грели, а ледяной горб на спине не позволял удобно лечь.

Сыпал мелкий колючий снег. Остров исчез. Ориентироваться оставалось только по застругам.

...Хоть бы на минуту развеяло. Судя по времени, он уже должен достичь земли. Чтобы убедиться, попробовал

ножом раскапывать наст. Но лезвие всюду натыкалось на лед.

Тогда велосипедист взял круто на юг. Там материк.

Он ежился от холода. Ветер назойливо «проверял» каждую дырочку в побитом, прелом комбинезоне, лез в рваные рукавицы. На глазах разваливались торбаса. Подмоченная кожа смерзлась, скарежилась. На истертых носках ни ворсинки меха.

Глаза поймали на снежном набое вмятину. Человек смотрел на нее как зачарованный.

«Прошла нарта, но откуда?..»

Он сделал несколько шагов и увидел еще полоски. А вот и след оленьего копыта. Теперь ясно, что кто-то ехал на материк. Ехал со стороны моря, значит с острова! И совсем недавно: след-то даже не занесло...

Пошел по колее, пока из тумана не выплыл силуэт чума. Над ним дымок.

Неожиданный приход и необычный вид длинноволового с горбом напугал хозяев.

— Келе! Дух!..

Женщины, забравшись с детьми в глубь чума, с тревогой смотрели на пришельца, который пытался что-то растолковать пожилому ненцу.

«Конечно, Келе. С железным оленем!»

И верно, блестящий изогнутый руль чем не рога неземного творения?

«Дух» между тем разрезал тесемки и принялся стаскивать комбинезон. Между шкуркой и нижней курткой похрустывал слой льда.

Раздевшись, гость выскочил на улицу и стал торопливо растирать тело, лицо и особенно ожесточенно большие пальцы ног. Они совсем белы. Он их тер, мял, тискал, толкал в снег... Вот они загорелись, заныли, но самые кончики по-прежнему бесчувственны.

Рассмотрев сброшенную одежду, старик, по-видимому глава семьи, покачал головой: ему-то ясно, что «дух» — это занесенный к ним каким-то несчастным случаем путник. Он бросил короткую повелительную фразу, и вскоре женщина вынесла поношенные, но еще прочные торбаса.

— Надевай.

Общеизвестна удивительная отзывчивость людей Севера, их бесхитрость и радушие. С каким вниманием

отнесется северянин к попавшему в беду человеку! Он не станет допытываться, кто и что ты. Нет, просто примет, накормит тебя, просушит одежду и будет терпеливо и деликатно ждать твоего рассказа...

Велосипедист узнал, что находится на острове Долгом, в ста километрах от Югорского Шара.

Хозяева дали ему мягкие чулки — пыжики и брюки, сшитые из выделанной оленьей шкуры. Из своего он на теле оставил только широкий ремень, на котором висели нож и компас. В коже пояса поблескивали большие бронзовые буквы «ГЛТ». И еще один предмет возбудил внимание ненцев — четырехгранный футляр, висевший на шее.

Пришелец пробыл в стойбище два дня. Его сильно беспокоили обмороженные пальцы. Он смазывал их жиром, массировал, держал ступни то в снегу, то в горячей воде. Но ничто не помогало. Пальцы распухли, посинели...

...Он задумавшись сидел у костра. Плавник горел, потрескивая. Иногда пламя вспыхивало, освещая шатер, сшитый из двойных оленьих шкур мехом внутрь и наружу. Шатер был новый, но шесты, на которых он держался, блестели от сажи, как лаковые.

Достал оселок и принялся точить нож. Потом вышел наружу, принес кусок чистого наста. Разулся. Подержав нож над пламенем, он положил левую ногу на снег и поднес лезвие к большому пальцу...

Ненка, которая вначале глядела с любопытством на длинноволосого, закричала диким голосом и, закрыв лицо руками, убежала за полог.

Выскочил хозяин. Человек с «железным оленем» уже обматывал палец носовым платком. На снегу расплылось кровавое пятно...

— Иначе гангрена, — сказал он, повернув к ненцу посеревшее лицо.

— Доктора надо, доктора, — говорил старик. — На Югорский Шар, на радиостанцию. Завтра сын с берега вернется, на оленях отвезу.

Но сын не вернулся ни завтра, ни послезавтра. Гость собрался уходить. Ненцы дали в дорогу оленьего мяса и пару вяленых рыб.

ПАСПОРТ-РЕГИСТРАТОР

От Долгого до Югорского Шара менее ста километров. Погода отличная. Путнику казалось, что он сможет добраться до радиостанции за сутки. Выехал рано утром. Обмороженные пальцы поламывало. Но ноги хорошо обуты, а раны смазаны глицерином, хранившимся для велосипеда.

Расчеты расшиблись о гряды торосов, которую преодолевал до самого вечера. Ледяной лабиринт заставлял уходить влево, вправо и возвращаться... Пришлось устраиваться на почевку.

Назавтра встал с трудом. Первые шаги — попытка: ступни словно чужие. Боль непрерывно спорит с волей. Но все же она, воля, заставляла кровоточащие ноги двигаться вперед: раз идешь, значит, и дальше можешь; сделал шаг, обязан и второй. Всякая задержка теперь грозила гибелью.

На горизонте показались скалы. Путник, собрав силы, уселся на велосипед и направился к ним. Вскоре стали попадаться мелкие островки, рифы. Вероятно, к вечеру он достиг бы берега, но с востока потянул ветер. Не резкий, не порывистый, но усиливающийся с каждым часом. И эта равномерность таила в себе какую-то метеорологическую фатальность.

Понес сырой снег. Глаза залепляло. Но что это? Вместе со снегом с лица сдирается темная пыль! Она набиралась в рот, в нос.

Человек почти вслепую, ориентируясь только по ветру, продолжал идти. На минуту остановился возле тороса. Закрыв лицо руками и отвернувшись от жгущего ветра.

По спине что-то ударило. И рядом, вокруг зашлепали черные плитки. Одну поднял. Пластинка очень легкой горной породы. Сланец?!

Каменная бомбардировка заставила снова зарыться в снег.

Еще одна ночь в обнимку с морозом на льду Хайпудырской губы...

Утро обрадовало: ветер унялся. О нем напоминали только черневшие всюду плитки. Очевидно, пурга отслаивала их с береговых скал. А берег — вот он, в нескольких сотнях шагов!

Но и эти шаги уже не под силу. Выбравшись на твердую землю, человек свалился.

Из полуборморочного состояния вывело тьякканье. Кто-то хватал за торбаса...

Велосипедист поднял голову. В сторону отбежал белый пушистый песец.

Он вынул нож и швырнул в зверя. Тот успел отскочить. Зафыркал, зашипел и уселся на расстоянии прыжка.

...Человек опять упал. Лежал неподвижно, уткнувшись головой в снег, широко раскинув руки.

Песец выждал и, кружась, снова приблизился. Дернул за малицу и отпрыгнул. Еще выждал и, осмелев, подошел вплотную.

Рука «добычи», дотоле безжизненная, в мгновение сокнулась вокруг его передней лапы. Песец поздно понял ошибку. Успел лишь впиться зубами в живой капкан.

Человек от победы как-то встряхнулся. Даже уложил задушенного зверька в багажник.

Вдали низко темнело облачко. Постояло и растаяло. Порыв ветра донес с той же восточной стороны аромат свежего хлеба...

Галлюцинация?!

Запас сил у путника иссякал, но, кто знает, где он, предел этих последних сил у человека. Он увязал в снегу, падал, поднимался, но шел, полз за своим невидимым проводником.

Опять облачко... Да нет, дымок!.. Показались и строения.

На радиостанцию не похоже: нет мачт.

Воткнул в сугроб велосипед. Постоял и, покачиваясь, направился к поселку.

Дым поднимался из приземистого сруба, возле которого стояла нарта. В отдалении, у другого дома, привязана свора собак. Заметив человека, псы поднялись, захлебываясь лаем.

...Велосипедист взялся за деревянную ручку двери.

В просторной избе с ларями и большим столом ярко топилась русская печь. Из кути навстречу пришельцу вышел бородатый пожилой мужчина весь в мучной пыли и с большим куском теста в руках. Он остолбенело уставился на неожиданного гостя.

— Здравствуйте. В километре отсюда я оставил велосипед и винчестер. У вас упряжка. Съездите, пожалуйста.

— Велосипед?!

— Да. Он по моему следу. А то занесет.

— Хорошо, хорошо, — сказал бородач, пятясь к двери. Снял со стены малицу и исчез.

Минут через двадцать возле дома снова залаяли собаки. Нарта возвратилась с вещами.

Приезжий сидел на лавке и перевязывал обнаженную ногу. Увидев окровавленные тряпки, заменявшие бинты, и обрезанный палец, хозяин коротко приказал:

— Собирайтесь, поедемте на рацию.

— Зачем?

— К врачу.

Слегка пуржило, но собаки, не сбавляя темпа, мчались по хорошо укатанной дорожке. Километров через пятнадцать показались высокие фермы металлических мачт. Гидрометеорологическая станция «Югорский Шар».

Зимовщики были чрезвычайно поражены, когда в дверь вместе со снежными космами ввалился сосед с больным незнакомцем.

— Кто вы? — спросил начальник станции.

Человек снял с шеи кожаный футляр и вынул оттуда толстую книжку в темном переплете. На ней вытиснено:

**«ПУТЕШЕСТВЕННИК НА ВЕЛОСИПЕДЕ
ГЛЕБ ЛЕОНТЬЕВИЧ ТРАВИН.
ПСКОВ — АРКТИКА — КАМЧАТКА».**

На каждой странице этого своеобразного паспорта стояли печати. Первая — «Камчатский окружной исполнительный комитет» и дата — 10 октября 1928 года.

— Камчатский?! — Начальник все с большим изумлением перелистывал плотные листы и читал вслух: — Владивосток... Хабаровск... Чита... Новосибирск... Алма-Ата... Ташкент... Ашхабад... Тифлис...

Перемахнул несколько страниц.

— Петрозаводск, Мурманск, Архангельск... — И совсем тихо, с трудом разбирая слова: — Большеземельский кочевой самоедский Совет. 3 апреля 1930 года. Постой, это от нас в пятистах километрах...

Один за другим зимовщики — радист, метеонаблюдатель, врач, моторист — осторожно листали страницы, усыпанные круглыми, квадратными, большими и маленькими всех цветов печатями и надписями на разных языках.